

Оборотная сторона политического лидерства в системе власти

А. И. Пирогов, Т. В. Растимешина

Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Москва, Россия

aipirogov2013@gmail.com

Показано, что политическое лидерство представляет собой сложный феномен, имеющий две стороны, одна из которых скрыта от восприятия основной массы людей. Подчеркивается, что лидерство — это всегда власть, осуществляемая конкретным лицом (группой лиц), с тем чтобы побудить своих сторонников и последователей к конкретным политическим действиям, выражающим в первую очередь его коренные интересы, отражающие оборотную сторону феномена политического лидерства.

Ключевые слова: политика; политическое лидерство; власть; властные устремления.

Reverse Side of Political Leadership in the System of Power

A. I. Pirogov, T. V. Rastimeshina

National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

aipirogov2013@gmail.com

The authors show that political leadership is a complex phenomenon with two sides, one of which is hidden from the perception of the bulk of people. They have emphasized that leadership is always the power exercised by a specific person (group of persons) in order to induce their adherents and followers to concrete political actions expressing, in the first place, the leader's fundamental interests that reflect the reverse side of the phenomenon of political leadership.

Keywords: politics; political leadership; power; power aspirations.

К сегодняшнему дню в политологическом научном сообществе исторически сложилась и утвердилась точка зрения, что политическое лидерство в своей функциональности есть активное проявление феномена политической власти. На это обращали внимание многие известные социологи и политологи. В частности, Ж. Блондель отмечал, что лидерство есть не что иное, как власть, поскольку в нем четко просматривается способность конкретного лица или группы лиц побуждать других действовать

в их интересах [1]. Эта же мысль утверждается в известном положении М. Вебера: «Кто занимается политикой, тот стремится к власти» [2, с. 254]. В интерпретации американского политолога Р. Такера, политическое лидерство предопределено спецификой самой власти. Иными словами, феномен лидерства в политике представляет собой форму взаимодействия официально признанных в обществе субъектов с участниками политической жизни при добровольном следовании последних их властной воле.

© Пирогов А. И., Растимешина Т. В.

Более того, посредством профессиональной деятельности лидеров такая форма взаимодействия распространяется на отношения институтов государственной власти и общества, что дает основание утверждать, что через такие понятия, как «авторитет», «доверие», «власть», выявляется особенность политического лидерства сообразно к структурам государства и политико-властным отношениям. Остановимся на этом подробнее.

Авторитет, с одной стороны, традиционно трактуется как общественное признание, связанное с особой осведомленностью, профессиональной компетентностью, значимыми индивидуальными человеческими качествами. С другой стороны, он представляет собой ту грань социальных отношений, специфика возникновения, функционирования и развития которых связана с социальной практикой, требующей руководства и организации. Характерный индикатор авторитета — превосходство по определенным параметрам: официальному статусу, сопряженному с готовностью взять на себя ответственность, повести за собой и т. п.

Именно это превосходство предопределяет поведение масс в соответствии с политическими интересами и целями лидера и обеспечивает следование им там, где традиционные убеждения неэффективны. Такое влияние еще больше усиливается, если люди уверены, что лидер разделяет их социальные и политические ценности. Значимость такого признания исключительно велика, хотя и не всегда бесспорна. Так, нередко случается, когда сильный авторитет лидера нивелирует и тормозит социально-политическую активность его сторонников, последователей, обычных граждан, способствует не критическому отношению к деятельности власти, слепому следованию политическим интересам и установкам лидера. Не случайно Г. Гегель в этом отношении отмечал: «Собственному убеждению противостоит простая вера, основанная на авторитете других. Чтобы мой поступок имел моральную ценность, с ним должно быть связано мое убеждение. Поступок

должен быть в полном смысле слова моим. Если же я действую, полагаясь на авторитет других, то поступок не вполне мой: в этом случае во мне действует чужое убеждение» [3, с. 33].

Снижение политической активности масс нередко ведет к формированию негативных политических стереотипов по принципу: «Кто не с нами — тот против нас», а в отдельных случаях становится благодатной почвой для развития культа лидера: таких свидетельств в мировой и отечественной истории множество. Достаточно вспомнить «парад суверенитетов» бывших союзных республик, когда под флагом демократических преобразований (многопартийность, независимые средства массовой информации, демократические выборы и т. д.) устанавливались политические режимы, базовой несущей конструкцией которых служил «непререкаемый» авторитет их руководителей.

Тем не менее следует заметить, что далеко не всегда личностные качества лидера являются неперенным условием его дальнейшего успеха. Так, исследование видного американского социолога Р. Стогдила показало, что в зависимости от конкретной ситуации у лидера доминируют разные личные качества. Это позволило ему сделать вывод, что обладание определенным набором личных качеств еще не гарантирует завоевания лидерских позиций — для этого необходимо, чтобы они согласовывались с качествами, деятельностью и задачами его сторонников [4]. Профессор Университета Огайо М. Херманн обращает внимание на различные комбинации властных устремлений людей, по-разному влияющие на их политическое поведение. Особо важную роль среди них, по ее мнению, играют три модели комбинаций:

1. Модель «мотивации создания личных анклавов». Смысл данной модели заключается в гибкой политике лидера, заинтересованного в достижении контроля над происходящим и одновременно установления дружественных взаимоотношений со своими сторонниками, последователями, в конечном итоге со всеми, над кем имеет власть.

В составе такого анклава могут быть высокопоставленные чиновники, политические деятели, крупные бизнесмены, которым выгодна подобного рода дружественная мотивация. Характеризуя такой тип политических лидеров, М. Херманн сравнивает их с «пионерами освоения Америки» [5], в случае явной опасности выстраивавшими из числа своих сторонников «защитный круг», внутри которого находиться безопасно.

2. Модель «имперской мотивации», когда властные устремления лидера доминируют над потребностью в формировании доверительных отношений (аффилиации). Специфика прихода к власти в данной модели состоит в явно демонстрируемом подчинении собственной воли воле политического окружения, нередко жертвуя собственными интересами в пользу интересов группы, согласно принципу: «Что выгодно группе — выгодно мне». Добившись таким образом убежденности со стороны последователей в безусловном следовании интересам группы, в случае наступления опасности лидер имеет реальную возможность мобилизовать их на крайние, в том числе насильственные, действия, укрепляя тем самым свои собственные политические позиции.

3. Модель «мотивации конкистадора» может быть охарактеризована как модель «лихого героя». Как правило, это харизматические политические лидеры, умеющие добиваться поставленных целей, не останавливаясь перед необходимостью использования грубой силы. Маргарет Херманн сравнивает их с «феодалами», которые умеют контролировать ситуацию, абсолютно уверены в своих силах, четко знают, что в данный момент наиболее выгодно для группы, умело манипулируют последователями и сторонниками, рассматривая их как средство достижения собственных политических интересов.

Разумеется, в чистом виде эти модели реализуются крайне редко, но отдельные, наиболее важные, но сокрытые от повседневного восприятия их элементы свойственны многим политическим лидерам.

Владимир Путин является лидером России и ее самой яркой политической фигурой уже 18 лет. Вместе с тем на его примере особенно ярко можно проиллюстрировать, что представляет собой обратная сторона политического лидерства.

Власть и влияние В. В. Путина как политического лидера современной России зиждется на следующих «трех китах»: институционализм, профессионализм и корпоративизм. *Институционализм* отражает тенденцию к ограничению каналов карьерного роста лидеров определенными институтами и структурами (политическая партия «Единая Россия», вооруженные силы, государственный аппарат, ФСБ). В определенном отношении институционализм оказывается фактором становления вождизма: и власть, и легитимность, и авторитет части политических лидеров России в значительной степени обусловлены властью, легитимностью, авторитетом и влиянием рекрутировавших и образовавших канал их карьерного роста институтов.

Профессионализм политических лидеров современной России — это отношение к своей политической деятельности как к работе. Этот подход подразумевает гарантированное и дополнительное вознаграждение, гарантированный отдых, привилегии, сохраняющиеся по окончании трудовой деятельности (своего рода «пенсию») и т. п. С этих позиций, современное политическое лидерство в значительной степени продолжает традиции номенклатуры. Льготы и привилегии стали неотъемлемой частью политической деятельности именно в советское время, причем «речь идет о льготах, с помощью которых создаются условия повышенной комфортности жизни для избранного круга “наиболее ответственных” лиц, вычлененного по признаку их принадлежности либо приближенности к власти предрержащим. В этом случае льготы не базируются на объективных основаниях и превращаются в обычные привилегии...» [6, с. 17]. В связи с этим представляется закономерностью то, что окружающая лидеров российского государства роскошь (костюмы,

часы, яхты, особняки и т. п.) отражается в массовом сознании не в категориях справедливости — несправедливости, а в категориях заслуженности — незаслуженности. Российское общество готово воспринимать излишества как естественное продолжение имиджа государства и, более того, как естественное и неотъемлемое дополнение к авторитету и лидерским качествам его представителей, в первую очередь главы государства. Благодаря закреплённым в сознании общества номенклатурным традициям, доверие и симпатия народа к политическому лидеру сопровождаются лояльным отношением к привилегиям и возможностям, открывающимся ему вместе с властными полномочиями.

Корпоративизм, в соответствии с определением Н. А. Баранова, представляет собой взаимодействие политических корпораций, «позволяет им поделить рынок власти, не допуская к нему представителей широких слоев населения. Между корпорациями действует механизм “увязки” и согласования интересов. <...> В их основе всегда лежит единство интересов. Политическая система современной России представляет собой пример взаимодействующих между собой корпораций» [7, с. 120]. Так, мощнейшей и остающейся самой влиятельной корпорацией в России является та, основу которой составляют институты государственной безопасности РФ: ФСБ, ФСО и др., на эффективность и традиции деятельности которых ориентирован глава российского государства. Корпоративизм как политическая теория и как практика государственного регулирования свойственен многим руководителям современных государств, и в этом отношении корпоративизм Президента РФ В. В. Путина не является исключением и составляет часть его политического имиджа. Связь спецслужб с идеями сильного государства, державностью позволяет ему посредством апеллирования к корпоративным компонентам имиджа акцентировать и актуализировать патриотические продержавные архетипы общественного сознания. В этом отношении

О. Крыштановская справедливо отмечала, что авторитет и власть спецслужб в России «вдвойне устойчива, тем более что она скреплена идеологией патриотизма» [8, с. 284]. Отмечаемая связь не всегда носит непосредственный характер в выступлениях главного политического лидера страны — чаще всего отсылки осуществляются на уровне символов, ассоциаций, подтекстов, аллюзий и реминисценций. Вместе с тем в его высказываниях и действиях присутствуют и прямые указания на восприятие реализации полномочий Президента РФ как исполнения гражданского долга, служения Отечеству.

Лидерство В. В. Путина имеет необычайно сложную, дуалистическую и противоречивую природу. С одной стороны, в контексте настоящей статьи — лицевой, В. В. Путин является сложной и многогранной личностью и политической фигурой, до сих пор недораскрывшейся в публичной политической деятельности. Более того, его образ отражает незаурядность при внешней «обычности»¹, что позволяет вполне определенно утверждать: в течение всего периода публичной политической деятельности с 1999 г. лидерство В. В. Путина является феноменом, в котором зеркально отражаются наиболее актуальные проблемы экономики и политики, готовность их решать, а также политические и социальные запросы политической аудитории — всей страны. В этом смысле именно «обычность» является той стороной личности, которая позволяет ему как основному политическому лидеру государства быть «зеркалом» социальной и политической реальности.

Феномен стремительного взлета В. В. Путина на политический Олимп России объясняется весьма удачным соединением его личностных качеств (решительность, сдержанность, деловитость, компетентность и др.) с условиями их реализации — социально-политической

¹ По данным социологического исследования (до начала выборов), одним из достоинств В. В. Путина респонденты называли нормальность, обычность: «нормальный человек, вопрос даже не в том, чтобы быть выдающимся, а в том, чтобы быть хотя бы нормальным», «скорее нормальный» и др. [9, с. 96].

и экономической обстановкой в стране, создававшей острое социальное напряжение (неразрешенный сепаратистский конфликт в Чечне, масштабный социально-экономический кризис, незавершенные либеральные реформы, противостояние региональных и федеральных элит, олигархат), и ожиданиями народа по поводу позитивного результата политического дебюта нового лидера. Напряжение, в частности, выражалось в определенном безразличии масс к личностным характеристикам и политической ориентации лидера при артикуляции особенных требований к деловым качествам: «Так, в исследовании 1999 г. значимым требованием, предъявляемым к политическим лидерам, было наличие деловых, а не политических характеристик. Построение избирательной кампании политических лидеров общественно-политического движения “Единства” строилось с использованием именно такой модели» [10, с. 211]. Образ В. В. Путина явился идеальным отражением требований не слова, а действия, не размышления и согласования, а быстрых решений, адекватно отражающих вызовы текущей ситуации.

Важным элементом другой, оборотной стороны политического лидерства является популизм, который в определенной степени присущ В. В. Путину как «зеркальному» российскому лидеру. Однако его популистский стиль можно охарактеризовать как «популизм для большинства». Такого рода популизм проявляется не только и не столько в ориентации лидера на тот или иной сегмент политического рынка (электората), попытке ориентироваться на удовлетворение запросов и чаяний той или иной социальной группы, класса, сколько в поиске среди всего населения России той массы, которая ориентирована на воспроизводство отношений *руководитель — подчиненный, вождь — ведомые* и построение политической коммуникации с опорой на эту часть нации.

В отношении указанной аудитории (которая составляет, по разным оценкам, от 80 до 85 % — абсолютное большинство взрослого дееспособного населения современной

России) избраны и последовательно реализуются технологии и приемы создания и поддержания отношений вождя и ведомых, вне зависимости от изменений политического курса. Такая идеологическая доктрина требует гибкости: она изменялась согласно идеологическим ориентирам самого В. В. Путина и корректировалась сообразно вызовам времени и соответствующим изменениям политического запроса аудитории. Так, до 2001 г. основными политическими ценностями властного дискурса В. В. Путина были суверенитет и демократия; в 2001—2003 гг. — порядок и стабильность; в 2004—2005 — достоинство и высокое качество жизни; в 2005—2008 гг. — ускорение, модернизация и мобилизация. С 2012 г. (окончательно дискурс сменился в 2014 г.) был взят курс на консервативные ценности: порядок, институциональную целостность, сильное государство, державность и патриотизм.

Все элементы идеологического дискурса В. В. Путина (несмотря на синтетичность и ситуативность в некоторые периоды), как разноцветные элементы мозаики, последовательно и непротиворечиво «укладываются» в определенную схему, согласно которой особый, суверенный путь России детерминирован вызовами времени и спецификой исторического развития страны, но не предопределен этими факторами. Будущетворение страны нацелено на усиление внешнеполитической роли, геополитической значимости, державности России, подтверждение ее мессианско-цивилизационной значимости на евразийском пространстве и укрепление благосостояния ее народа, т. е. превращение России в ведущую державу мира на новом витке истории.

Как главный политический лидер современной России В. В. Путин предопределяет направление «особого» пути России, формирует в целом внешне- и внутривнутриполитическую повестку дня, является автором особого политического языка и политического тезауруса на внутренней и международной арене. Вместе с тем его политика поступательна, релятивна, лишена спонтанности. В его политическом мессидже

и политической миссии четко прослеживается обращение к символическому «зонтику», ткань которого составляют уже упомянутые понятия государственной безопасности и силы (противостоящие им понятия — опасность, угроза, вызов, враг), держава, государство (контекстуальные антонимы — беспорядок, анархия, беспредел), патриотизм (противоположное понятие — предательство, космополитизм, в ряде контекстов либерализм).

Все грани лидерского дискурса В. В. Путина однозначно показывают, что он владеет представлением о целях и задачах государственного, социального, экономического и политического будущего для всей нации и государства, что эти цели и задачи полностью отвечают запросам политической аудитории большинства. В сочетании с набором личностных качеств и психологических приемов это формирует образ лидера, который способен обеспечить экономическую и социально-политическую стабильность, порядок и продвижение России в направлении того будущего, которое соответствует чаяниям большинства: сильное государство и счастливый народ.

Таким образом, лидерство как концентрированное выражение групповых интересов и искусство достижения согласия находит свое выражение в деятельности политического лидера, для которого данный социальный статус становится эффективным инструментом достижения как групповых, так и личностных (как правило, сокрытых) целей. «Оборотная сторона» политического лидерства связана в основном с личностными характеристиками политического лидера, властные устремления которого находятся в описанном Н. Макиавелли диапазоне «льва» и «лисицы» и целенаправленно преследуют, с одной стороны, достижение расположения, одобрения и доверия со стороны других людей, с другой — использование этого доверия для удовлетворения своих политических интересов. Такая мотивация таит в себе возможность разочарования и утраты доверия сторонников, перехода лидера в статус нелегитимного

политического деятеля. Однако этот транзит находится за пределами внимания авторов в настоящей статье.

Литература

1. **Блондель Ж.** Политическое лидерство: путь к всеобъемлющему анализу. М.: [Б. и.], 1992. 135 с.
2. **Вебер М.** Политика как призвание и профессия // Власть и политика / М. Вебер. М.: РИПОЛ Классик, 2017. С. 252—326. (Философия власти с Александром Филипповым).
3. **Гегель Г. В. Ф.** Работы разных лет: в 2 т. / Сост., общ. ред. А. В. Гулыги. Т. 2. М.: Мысль, 1971. 623 с.
4. **Stogdill R.** Personal factors associated with leadership: A survey of literature // Journal of Psychology. 1948. Vol. 25. P. 35—71.
5. **Херманн М.** Составные части лидерства // Политология вчера и сегодня. Вып. 2. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. С. 177—204.
6. **Полешина С. В.** Закон как средство реализации задач формирования правового государства // Теория права: Новые идеи. Вып. 3. М.: Ин-т государства и права РАН, 1993. С. 13—22.
7. **Исаев Б. А., Баранов Н. А.** Современная российская политика. СПб.: Питер, 2012. 448 с.
8. **Крыштановская О. В.** Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005. 384 с.
9. **Нестерова С. В.** Кого же на самом деле выбирают наши граждане? Соотношение идеальных прототипов и реальных лидеров в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2000. № 5. С. 93—96.
10. **Малаканова О. А.** Политическое лидерство // Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М.: Весь мир, 2001. С. 191—212.

Поступила 10.01.2018

Пирогов Александр Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), aipirogov2013@gmail.com

Растимешина Татьяна Владимировна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии, социологии и политологии Национального исследовательского университета «МИЭТ» (Россия, 124498, Москва, г. Зеленоград, пл. Шокина, д. 1), rast-v2012@yandex.ru

References

1. Blondel' Zh. (Blondel J.) Politicheskoe liderstvo: put' k vseob"emlyushchemu analizu (Political Leadership: Towards a General Analysis), M., S. l., 1992, 135 p.

2. Veber M. (Weber M.) Politika kak prizvanie i professiya (Politics as a Vocation), *Vlast' i politika*, by M. Weber, M., RIPOL Klassik, 2017, pp. 252–326, Filo-sofiya vlasti s Aleksandrom Filippovym.
3. Gegel' G. V. F. (Hegel G. W. F.) Raboty raznykh let, v 2 t. (Works of Various Years, in 2 Vols.), Sost., obshch. red. A. V. Gulygi, T. 2, M., Mysl', 1971, 623 p.
4. Stogdill R. Personal factors associated with leadership: A survey of literature, *Journal of Psychology*, 1948, Vol. 25, pp. 35–71.
5. Khermann M. (Hermann M.) Sostavnye chasti liderstva (Leadership Trait Analysis), *Politologiya vchera i segodnya*, Vyp. 2, M., AON pri TsK KPSS, 1990, pp. 177–204.
6. Polenina S. V. Zakon kak sredstvo realizatsii zadach formirovaniya pravovogo gosudarstva (Law as Implementer of Law-Governed State Formation Tasks), *Teoriya prava: Novye idei*, Vyp. 3, M., In-t gosudarstva i prava RAN, 1993, pp. 13–22.
7. Isaev B. A., Baranov N. A. Sovremennaya rossiiskaya politika (Modern Russian Policy), SPb., Piter, 2012, 448 p.
8. Kryshchanovskaya O. V. Anatomiya rossiiskoi elity (Anatomy of Russian Elite), M., Zakharov, 2005, 384 p.
9. Nesterova S. V. Kogo zhe na samom dele vybirayut nashi grazhdane? Sootnoshenie ideal'nykh prototipov i real'nykh liderov v sovremennoi Rossii (Whom Do Our Citizens Really Choose? Ideal Prototypes' and Real Leaders' Ratio in Modern Russia), *Vestnik Moskovskogo universiteta, Seriya 12 Politicheskie nauki*, 2000, No. 5, pp. 93–96.
10. Malakanova O. A. Politicheskoe liderstvo (Political Leadership), *Politicheskii protsess: osnovnye aspekty i sposoby analiza*, Pod red. E. Yu. Meleshkinoi, M., Ves' mir, 2001, pp. 191–212.

Submitted 10.01.2018

Pirogov Aleksandr I., Doctor of Philosophy, Professor, Head of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), aipirogov2013@gmail.com

Rastimeshina Tatiana V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, professor of Philosophy, Sociology and Politology Department, National Research University of Electronic Technology (Russia, 124498, Moscow, Zelenograd, Shokin sq., 1), rast-v2012@yandex.ru